

УДК 902/904(571.1):39(=161/1)"18/19"
DOI: 10.17223/19988613/56/21

Л.В. Татаурова

**СТРУКТУРА УСАДЕБНЫХ КОМПЛЕКСОВ И РАЗМЕРЫ ЖИЛИЩ
У РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИАНГАРЬЯ КОНЦА XIX – СЕРЕДИНЫ XX в.
(ПО МАТЕРИАЛАМ Л.М. САБУРОВОЙ)**

Работа выполнена по гранту Российского научного фонда, проект № 18-18-00487 «Русское население Сибири XVII–XIX вв.: этнокультурная адаптация в археологическом и антропологическом измерении».

Археологическое изучение русских поселений Нового времени в Западной Сибири требует выяснения структуры усадебных комплексов для понимания планиграфии раскопанных объектов. В этнографической литературе по этому вопросу есть только обобщенные данные. Материалы, собранные Л.М. Сабуровой в процессе работы Ангарского отряда комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР в середине XX в. в деревнях Кежемского района Красноярского края, относятся к концу XIX – началу XX в. Они позволяют проанализировать состав объектов, входящих в усадьбу, их размерные характеристики, способы возведения построек и использованный материал. Эти сведения дают возможность сравнить полученные результаты с археологическими, выявить общее и особенное, тенденции в изменении структуры усадеб, региональные черты.

Ключевые слова: Сибирь; Приангарье; археология и этнография русской деревни; усадьбы.

Археологическое изучение русских деревень XVII–XVIII вв. в Омском Прииртышье, начатое автором в 90-х гг. прошлого века, поставило вопросы, решение которых позволит выполнить объективные реконструкции поселений и формирующих их усадебных комплексов как одного из важнейших элементов системы жизнеобеспечения. Это касается выяснения вида, структуры и планиграфии усадеб, размерные характеристики входящих в нее элементов, их функциональное назначение и критерии, которые можно использовать для интерпретации раскопанных объектов. Необходимость в получении аргументированных ответов вызвана не только тем, что будет накоплен статистический материал, который пополнит базу для интерпретации данных археологии, но и тем, что выводы, основанные на анализе репрезентативной источниковой базы, позволят выявить традиционные черты, а возможно, и стандарты в строительной практике русского населения Сибири Нового времени.

Некоторые из обозначенных элементов подробно рассмотрены в этнографических публикациях. Изучение структуры и состава усадеб русского населения Сибири и функциональное назначение отдельных построек имеет обширную историографию (см., например: [1. С. 102–104; 2. 16–20; 3. С. 33–40; 4. С. 39–81 и др.]). При общей и детализированной разработанности видов и планировочных схем усадеб, обоснованности развития горизонтальной и вертикальной планиграфии жилищ и хозяйственных построек, в этнографической литературе мало внимания отводится размерным характеристикам элементов жилищно-хозяйственных комплексов, которые, прежде всего, доступны археологу. Они, как правило, приводятся лишь в качестве единичных примеров, полученных из письменных документов.

Опыт, накопленный археологами в решении поставленных вопросов, пока не очень большой. Прежде

всего, он относится к рассмотрению усадебных комплексов жителей сибирских острогов и городского населения [5–8]. Несмотря на традиции в создании жилых пространств в городской и сельской среде, в военных поселениях и городах они более подчинены регламентации, связанной с назначением самих поселений. Кроме того, специфика городской археологии зачастую не позволяет полностью раскопать весь усадебный комплекс, а значит, выявить его структуру. Но в отличие от этнографических работ, археологи больше обращают внимание на размеры раскопанных объектов, на основании чего делают выводы о статусе владельцев больших по площади жилищ и развитых усадебных комплексов со специфическими постройками [7, 9, 10]. Нарботки в археологическом изучении деревенских усадеб тоже имеются. Выявлены типы жилищ, оценена их площадь и планиграфия, сделаны модели раскопанных объектов [11. С. 179–191; 12. С. 171–190]. Выявление характерных черт отдельных строений в усадебных комплексах, которые необходимы для идентификации их при раскопках, предпринято автором [13. С. 181–185].

Однако обширный этнографический и имеющийся археологический материал сложно соотнести между собой при детальном сравнении. Это связано с тем, что в полевых условиях ученый-этнограф работает с целыми формами, реальной планиграфией и предметами, которые не изъяты из живой культуры. Этнографические построения основаны на визуальном наблюдении, письменных, изобразительных, устных источниках, в XX в. к ним добавились фото- и видеofиксация изучаемой среды. Но если в задачах исследования не прописан сбор информации по размерным характеристикам объектов, то они, как правило, «остаются за кадром». Археолог же изучает руинированные остатки строений, их расположение между собой и в культурном слое и т.д. В методике археологических изысканий условия

получения информации отличаются: помимо наблюдений, зарисовки и фотографирования главными требованиями в ведении раскопок являются точная привязка к местности, фиксация всех параметров находимых конструкций, нарушений материкового слоя и т.п. Поэтому сколько бы археолог не раскопал жилищ, для каждого будут зафиксированы их размеры. Попытка сделать сопоставимым этнографический и археологический материал предпринята в этой работе.

В изучении поселенческих структур русского населения, кроме археологических исследований, автору выпала возможность поработать с фондами архива Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), где хранятся этнографические материалы, собранные в 1957–1961 гг. Ангарским отрядом экспедиции Института этнографии АН СССР под руководством Л.М. Сабуровой в Кежемском районе Красноярского края¹. Они и легли в основу этой публикации.

Целями работы стало выяснение состава усадебных комплексов и размеров входящих в него построек для понимания традиций, специфики их формирования и возможности сопоставления с археологическими материалами.

Обследованная территория Красноярского края в XVII в. осваивалась через Енисейск выходцами из поморских городов и уездов [14. С. 11] и являлась его центром, как географически, так и с точки зрения освоения русским населением. В результате здесь сложился «один из старых очагов русского заселения с типичной для Приангарья культурой» [14. С. 7]. Экспедиция носила комплексный характер: помимо этнографов в ней работали географы, архитекторы, диалектологи, музыковеды, художники и фотографы. За пять лет исследований собран огромный массив сведений по русской старожильческой культуре жителей Приангарья. Сбор материалов и наблюдений позволил Л.М. Сабуровой сделать вывод, что «этнографические данные свидетельствуют о генетической связи местного русского населения с северо- и средневеликорусским населением» [15. С. 500]. Однако не все полученные источники введены в научный оборот и требуют научного осмысления. Поэтому автором для решения поставленных вопросов была проанализирована опись жилого фонда 12 населенных пунктов Кежемского района Красноярского края, в которых проживало русское старожильческое население [16–18].

В описях представлены характеристика усадеб, с указанием фамилий их владельцев, перечень элементов подворья – дом и хозяйственные объекты, год сооружения каждой постройки, входящей в конкретную усадьбу и материалы, из которых они выполнены. Данные размерные показатели каждого строения. Этот источник представляет особую ценность потому, что в публикациях на указанную тематику основное внимание уделяется структуре жилищно-хозяйственного комплекса с описанием функционального назначения входящих в нее объектов. В нашей работе акцент сделан на изучении состава усадеб и размеров жилищ.

Для обработки архивных материалов выделен комплекс признаков, на базе которого составлены таблицы. По каждой исследованной деревне в них вошли сведения по усадьбам, включающие даты возведения жилища и хозяйственных построек, номенклатуру последних, использованный строительный материал, размерные характеристики: длина, ширина, высота и площадь каждого объекта в усадьбе. Недостатком этого источника оказалось общее название для всех типов жилищ – дом – без указания его конструкции: изба, связь, пятистенки и т.д. Это не позволило соотнести имеющиеся сведения по размерам жилых построек с конкретным типом.

В результате работы проанализировано 1 203 усадеб: в селе Кежда, деревнях Алешкино, Заимка, Верхняя Кежда, Кода, Кодинская Заимка, Костино, Пашино, Привалихина, Прокопьево, Проспихино, Фролово. Учетный нами материал относится ко времени с XIX в. по 1930 г.

Однако в нашем исследовании использован не весь блок полученной информации (данные, относящиеся к 1931–1960 гг. не рассматривались). В своей книге, выпущенной по итогам работы экспедиции, Л.М. Сабурова при обобщении полученного материала соотнесла его с тремя периодами: 1) конец XIX – начало XX в. (до 1917 г.); 2) 20-е гг. XX в. (до начала массовой коллективизации); 3) 30–60-е гг. XX в. [14. С. 9].

Мы ограничимся двумя первыми периодами, не анализируя новации, связанные с социалистическим строительством. Хотя многие черты традиционной культуры продолжали бытовать и в этот период. Исходя из имеющихся данных, были скорректированы временные границы первого периода – в него включен весь XIX в. и начало XX в. до 1917 г. Основанием для этого можно считать имеющиеся сведения по усадьбам, построенным в начале – середине XIX столетия. И хотя этих данных немного, именно они станут мостом, связывающим с XVIII в., а значит, со сведениями, полученными в ходе археологических исследований деревенских комплексов Нового времени. Изучение информации, относимой ко второму временному отрезку (1917–1930 гг.), позволяет зафиксировать, как традиционные черты в обустройстве жилого пространства русских сибиряков, так и инновации, связанные с изменениями общественно-политической ситуации. Исходя из этого, в приведенных ниже таблицах представлены статистические параметры учетного материала.

Как видно из табл. 1, в изученных экспедицией Л.М. Сабуровой деревнях преобладают усадьбы (кроме села Кежда, которое с 1928 г. становится районным центром), созданные в досоветский период, их доля в жилом фонде деревень составляет от 72,5 до 100%. Однако стоит учесть, что временные отрезки формирования зафиксированного количества усадеб разные (116 лет в первом периоде, 14 лет – во втором). Это показывает динамику изменений условий жизни, связанную с новой общественно-политической ситуацией. В задаче нашего

исследования не входило изучение истории освоения региона и основания этих деревень, частично она отражена в монографии Л.М. Сабуровой [14. С. 10–20]. Но, соглашаясь с представленными выше мнениями, можно констатировать, что в XVI–XVIII вв. формирование русского мира (подробнее см.: [19. С. 351–354]) на этой территории было схожим с другими регионами Сибири.

Рассмотрим на базе полученных материалов состав усадебных комплексов. Во всех деревнях они включают дом (реже два дома) с сеними или без них и хозяйственные постройки. Из анализа документов видно, что «культура сибиряков обладала свойствами изменчивости и трансформации, существовавшими наряду с устойчивостью определенных характеристик» [2. С. 48]. Это прослеживается в разновременности построек в некоторых усадьбах. Например, в селе Кежма в усадьбе Ю.М. Брюханова дом и сени построены в 1957 г., амбар и стайка – в 1860 г.; в усадьбе М.Ф. Кокорина дом и сени – в 1957 г., два амбара в 1890 г., стайка – в 1900 г.; в усадьбе И.К. Воронова дом – в 1950 г.; амбар, завозня и баня – в 1900 г., стайка, забор и ворота – в 1880 г. [17. С. 48, 64, 77]. И другая ситуация. Например, в деревне Верхняя Кежма в усадьбе В.П. Каменской дом и сени построены в 1890 г., стайка – в 1959 г. [Там же. С. 86]. Надо заметить, что это далеко не все примеры. А.Ю. Майничева считает, что разные годы строительства построек не

свидетельствуют об очередности их сооружения, а показывают моменты замены или перестройки уже существовавших строений [2. С. 49]. В археологическом контексте на это могут указывать дендродаты деталей объектов, в которых применялось и вторичное использование дерева [20, 21]. Археологическим примером могут служить раскопки автора в 2017–2018 гг. жилого комплекса на поселении Анаьино-1 в Тарском районе Омской области, который перестраивали несколько раз. Первоначально была построена изба, площадью около 9 м² с печью. Через некоторое время избу разобрали до нижнего венца, оставив печь, и сделали новый сруб размером 16 м². Третий сруб размером 8,2×4,4 м (площадь 36,08 м²) включил в себя две предыдущие постройки. С юго-востока к среднему срубу, судя по планиграфии, были пристроены сени. Объект ориентирован СЗ–ЮВ, торцом стоял к озеру (а в результате последней перестройки – фасадом), на берегу которого была построена деревня. К сожалению, плохая сохранность дерева изученного жилого комплекса не позволит нам датировать этапы описанного процесса.

Возвращаясь к анализу материалов Л.М. Сабуровой, проследим за составом усадебных комплексов. В рассмотрение были включены только единовременные постройки. Результаты представлены в табл. 2, 3 по каждому из периодов.

Таблица 1

Количество проанализированных усадеб в деревнях Кежемского района по периодам [16–18]

Поселения	Кежма	Алешкино	Займка	Верхняя Кежма	Кода	Кодинская Займка	Костино	Пашино	Привалихина	Прокопьево	Проспихино	Фролово
Всего усадеб	617	118	96	33	66	12	31	33	11	19	127	40
1–2-й периоды, %	35,1	76,3	87,5	84,9	87,9	16,7	96,8	96,9	100	100	72,5	90,0
Количество усадеб по периодам / % от общего числа усадеб в деревне												
XIX в. – 1916	147/23,8	31/26,3	30/31,3	14/42,4	42/63,7	2/16,6	29/93,6	28/84,9	9/81,8	17/89,5	72/56,7	30/75
1917–1930 гг.	70/11,4	59/50	54/56,3	14/42,4	16/24,3	–	1/3,3	4/12,1	2/18,2	2/10,5	20/15,5	6/15

Таблица 2

Состав усадеб в дореволюционный период [16–18]

Первый период (XIX в. – 1916 г.)											
Поселение	Дома, ед.	Сени, ед./%	Амбары, ед./%	Стайки, ед./%	Сарай, ед./%	Хлева, ед./%	Заборы, ед.	Ворота, ед.	Бани, ед./%	Завозни, ед./%	Зимовья, ед./%
Кежма	147	98/66,7	100/68	65/44,2	19/12,9	2/1,4	34	17	7/4,8	6/4,8	–
Алешкино	32*	22/68,8	32/100	20/62,5	4/12,5	4/12,5	6	4	4/12,5	2/6,25	–
Займка	30	24/80	32/106**	25/83,4	6/20	–	4	6	3/10	4/13,6	–
Верхняя Кежма	15	15/100	11/73,4	9/60	2/13,4	–	1	–	–	–	–
Кода	58	21/36,2	31/54,5	30/51,7	14/24,1	–	2	3	8/13,8	8/13,8	1/1,72
Кодинская Займка	2	1/50	3/150	2/100	–	–	–	–	1/50	2/100	–
Костино	29	4/13,8	28/96,6	25/86,2	1/3,5	–	1	3	–	–	–
Пашино	30	20/66,7	23/76,7	16/53,4	1/3,4	1	1	–	2/6,7	4/13,4	–
Привалихина	9	7/77,8	9/100	–	1/11,1	12/	1	1	–	1/11,1	–
Прокопьево	17	1/5,9	14/82,4	13/76,5	2/11,8	–	–	–	–	1/5,9	–
Проспихино	72	76/105,6	56/77,8	39/54,2	29/40,3	3/4,2	16	32	–	12/16,7	3/4,2
Фролово	30	32/106,7	28/93,4	13/43,4	4/13,4	13/43,4	3	1	3/10	1/3,4	–

* Количество домов и количество усадеб численно отличаются, так как есть случаи, когда в усадьбе два дома.

** В некоторых усадьбах зафиксировано по два амбара, или две стайки.

Состав усадеб в начале советского периода [16–18]

Второй период (1917–1930 гг.)											
Поселение	Дома, ед.	Сени, ед./%	Амбары, ед./%	Стайки, ед./%	Сарай, ед./%	Хлев, ед./%	Заборы, ед.	Ворота, ед.	Бани, ед./%	Завозни, ед./%	Зимовья, ед./%
Кежма	70	55/78,6	51/72,9	41/58,6	11/15,7	2/2,3	19	18	10/14,3	6/8,6	1/1,4
Алешкино	59	48/78,7	60/98,4	65/106,6	12/19,7	–	9	18	25/40,9	5/8,2	1/1,7
Займка	55	43/78,2 +3к*	58/105,5	53/96,4	13/23,7	–	21	12	13/23,7	8/9,1	1/1,8
Верхняя Кежма	14	12/85,7 +1к	8/57,2	6/42,3	4/28,9	–	4	2	3/21,4	2/14,3	–
Кода	16	15/93,8	11/68,8	12/75,0	14/87,5	–	3	5	2/12,5	4/25,0	–
Кодинская Займка	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Костино	1	1/100	1/100	1/100	–	–	–	–	–	–	–
Пашино	4	3/75,0	3/75,0	3/75,0	–	–	–	–	–	1/25,0	–
Привалихина	2	2/100	2/100	–	–	–	–	–	–	–	–
Прокопьево	2	–	2/100	1/50	–	–	–	–	–	–	–
Проспихино	20	20/100	21/105,0	20/100	16/80,0	1/5,0	6	6	–	2/10	2/10
Фролово	6	4/66,7	6/100	1/16,7	1/16,7	4/66,7	1	1	–	–	–

* 3к – 3 крыльца, как самостоятельные элементы, вместо сеней.

Оценивая полученные результаты, можно сделать следующие выводы. Как в первый, так и во второй период истории обследованных деревень состав усадебных комплексов был практически постоянным и включал основные компоненты, к которым относятся дом (иногда два в усадьбе), сени (в нескольких случаях – двое сеней), амбар, стайка (есть случаи, когда в усадьбе по два амбара или по две стайки). Это постройки в процентном отношении доминируют. Сарай и хлев как элементы усадьбы появляются к концу XIX в. Однако и в начале XX в. они не имеют широкого распространения. Остальные типы хозяйственно-бытовых объектов также используются в небольшом количестве (см. табл. 2, 3).

Отдельно стоит остановиться на банях. Для обоих периодов их зафиксировано немного в пределах усадеб, даже в раннесоветский период за 14 лет количество увеличилось, в целом, в два раза. Однако в деревнях Кодинская Займка, Костино, Пашино, Привалихина, Прокопьево, Проспихино, Фролово к четырем построенным в дореволюционное время ничего не добавилось. В документах обоих периодов для бань часто стоят более поздние годы построек (начиная с 1930-х и до 1960-х гг.). Если учесть все отмеченные случаи наличия бань, то их общее количество увеличится с 81 до 192, т.е. более чем в два раза. Но все равно по отношению к общему количеству учтенных усадеб (699 ед. с 1800 по 1930 г.), бани имелись у 27,5% домохозяев. Скорее всего, бани быстрее изнашивались и чаще горели, что способствовало их перестройке или замене [2. С. 49], что и отражают даты их постройки в переписи жилого фонда [16–18]. Возможно, часть этих сооружений, выполнявших не только санитарно-гигиенические, но сакральные и хозяйственные функции, находилась за пределами усадеб и использовалась несколькими семьями совместно [2. С. 32; 3. С. 35], и поэтому они не учтены в переписях. По результатам археологических исследований автора в Омском Прииртышье бани в границах усадебного комплекса зафиксированы на поселениях Бергамак-1 и Изюк-1 (Муромцевский и Большереченский районы Омской области). Это небольшие (на Изюке размером 3,1×3,1 м; на

Бергамаке – 3,4×3,4 м – размеры стен даны по внутреннему контуру) срубные постройки с развалом печи в одном из углов. На Бергамаке рядом с печью найдено два скопления керамики.

Интересным фактом в описи жилого фонда деревень Кежемского района стало упоминание наличия в трех усадьбах крылец в домах без сеней (табл. 3). Хотя Л.М. Сабурова в монографии выделяет даже типы крылец [14. С. 116. Рис. 19]. Судя по приведенной иллюстрации, крыльца были конструктивной деталью сеней. Но почему-то в описаниях жилищ не отмечены. В археологически изученных жилищах крыльца зафиксированы на поселениях Ананьино-1, Изюк-1, Бергамак-1. Их пристраивали непосредственно к входу в жилище, которых иногда было по два.

Размеры жилищ – самая важная часть нашего исследования, поскольку размерные характеристики – наилучший сравнительный материал, это данность, которую исследователь не может изменить по своему усмотрению.

Для анализа метрических сведений о величине домов в деревнях Кежемского района Красноярского края они были размещены в таблицах, первоначально для каждого населенного пункта, а затем обобщены в двух итоговых. Основанием для выделения группы послужило то, что в половине изученных населенных пунктов в использовании дерева для построек наблюдается два варианта (табл. 4): бревна для длинных и коротких стен имели дробный, например 9,7×6,3 м [16. С. 46], или цельный, 7×6 м, размеры [16. С. 44]. Причем это характерно для обоих изучаемых периодов. В остальных деревнях зафиксировано преобладание менее дробных размеров длины и ширины бревен для стен (табл. 5), например, 7×7 или 6,5×6,5 [16. С. 30, 37]. Поэтому графы «размеры» в табл. 4, 5 отличаются. В табл. 4 численный интервал длины и ширины бревен для стен домов учитывает колебание размеров в пределах, например, от 6,1 до 6,9 м. Логика такой градации обусловлена имеющимся материалом, именно это сближает полученные данные с археологическими, о чем речь пойдет ниже.

Размеры		Деревни											
		Кода		Кодинская Заимка		Костино		Привалихоно		Прокопьево		Проспихино	
		Кол-во домов, 1-й период	Кол-во домов, 2-й период	Кол-во домов, 1-й период	Кол-во домов, 2-й период	Кол-во домов, 1-й период	Кол-во домов, 2-й период	Кол-во домов, 1-й период	Кол-во домов, 2-й период	Кол-во домов, 1-й период	Кол-во домов, 2-й период	Кол-во домов, 1-й период	Кол-во домов, 2-й период
Высота, м	2; 2,5	1; 1	–; 4	–; 1	–	–	–	1	1	–	–	3; 2	–
	3,0	18	3	–	–	20	1	2	–	14	–	23	3
	3,5	4	5	–	–	2	–	2+ 2–3,8	–	–	–	30	12
	4,0	18	4	1	–	7	–	3	–	3	2	13	5
Площадь, м ²	до 20	–	–	–	–	1 мин 12	–	1 мин 18	–	–	–	–	–
	До 30	6 мин 24,5	7 мин 26	–	–	7	–	–	–	3 мин 24	1 мин 29,6	7 мин 24	–
	До 40	11	2	1 мин 36	–	12	1 = 36	–	–	5	–	14	1 мин 32,5
	40 и более	25 мах 56	7 мах 56	1 мах 56	–	9 мах 49	–	9 мах 68	1 = 48	9 мах 70	1 мах 42	50 мах 85	19 мах 72,3
Материал крыш	Тес	14	10	–	–	4	–	6	1	7	1	51	12
	Дранка	28	6	2	–	25	1	4	–	10	1	21	2

Большие возможности для сопоставления представляют значения площади домов. По изученным материалам самая малая жилая площадь была у изб: 12; 14; 18 м². Другие минимальные размеры площади, представленные в табл. 4, 5 (22,5; 24; 25,8; 26 и др.), могут свидетельствовать, что это могли быть как избы, так и пятистенки.

Для сравнения представим археологическую информацию по размерам жилищ. К сожалению, мы не можем зафиксировать в раскопе высоту домов (как правило, от сруба остается всего несколько венцов), но учитывая диаметры бревен от стен раскопанных домов и представленные в табл. 4, 5 сведения о высоте жилых деревенских построек, можно ее рассчитать. Так, если высота была 4 м (так как в рукописях указана кубатура дома, скорее всего, это высота потолка), то при среднем диаметре венца (0,25 м), по данным археологии, постройка могла состоять из 16 венцов. При высоте 3 м – из 12 венцов; 3,5 м – из 14 венцов. По наблюдениям Л.М. Сабуровой, «изба состояла из 14–17 венцов» [14. С. 110]. По аналогии с этнографическим материалом можно представить, что большие по площади дома могли быть высокими, с крышами из теса, более скромные – пониже (2–2,5 м) и крыты дранкой.

На Изюке изучено пять жилых помещений, по планировке их можно разделить на три типа: трехчастная изба-связь (три жилища – все с одним большим помещением и одним – поменьше) в сочетании клеть (помещение с подполом)-сени-горница (с печью), пятистенки с прирубом и изба. Их размеры приведены в табл. 6.

На Ананьино изучено пять изб-связей, все они трехчастные. Четыре по планировке с одним большим помещением, и одним поменьше, одна с равнозначными частями. Две в сочетании клеть-сени-

горница (с печью); две – изба (с печью)-сени-горница (без печи); одна – горница-сени-горница (обе горницы с печами).

Анализируя размеры археологических жилищ можно заметить, что, несмотря на общую большую площадь (табл. 6), они имели не меньшее жилое пространство: сочетание клеть-горница от 42,5 (общая площадь двух помещений) до 68,7 м². В жилище с двумя теплыми горницами жилая площадь составила 71,4 м²; в сочетании изба-горница площадь жилых комнат – 24 и 39,5 м². Эти размеры вполне сопоставимы с анализируемыми этнографическими материалами. Сени, как правило, служили для хозяйственных нужд и хранения инвентаря [1. С. 11; 4. С. 64]. В археологическом измерении были размером от 8,7 до 18,6 м². Самым небольшим по площади домом оказалась одностопная изба на памятнике Изюк, размеры которой составили 29,2 м².

Раскопанные жилища датируются XVII–XVIII вв. [11. С. 177–179].

Коротко рассмотрим материал, из которого строились усадебные комплексы русского населения Приангарья по описаниям жилого фонда в архиве экспедиции Л.М. Сабуровой [16–18]. Дома, как правило, построены из бревен. Для крыш использовали тес, особенно в больших домах, даже в начале XIX в. Это в какой-то мере является закономерностью. Вероятно, что большой и высокий дом с тесовой крышей (которая весьма трудоемка в изготовлении) и слюдяными окнами был показателем статуса проживавшей в ней семьи [7. С. 194–195; 9. С. 348]. Еще одно наблюдение: в XIX в. большее количество домов крыли дранкой. Хозяйственные постройки в усадьбах были как бревенчатые, так и дощатые. Очень редко упоминается брус.

Размерные характеристики жилищ, изученных на памятниках Ананьино-I и Изюк-I

Размеры	Археологические памятники Омского Прииртышья (раскопки автора 1999–2014 гг.)										
	Ананьино-I						Изюк-I				
	Часть жилища	Связь 1	Связь 2	Связь 3	Связь 4	Связь 5	Изба	Связь 1	Связь 2	Связь 3	Пятистенок с прирубом
Длина стен, м	Клеть	5	–	–	4	–	–	5,2	3,8	4,3	–
	Сени	3,9	4,4	2,6	3,4	2,4	–	3	3,8	2,7	–
	Горница	6,7	4,9	6	–	4,9	–	6	7	4,7	–
	Горница	–	–	6	–	–	–	–	–	–	–
	Пятистенок	–	–	–	–	–	–	–	–	–	8,6
	Прируб	–	–	–	–	–	–	–	–	–	6,7
	Изба	–	5,2	–	3,4	3,4	5,4	–	–	–	–
	Клеть	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Ширина стен, м	Общая в связи	15,8	12,6	14,6	≈12	≈10,7	–	≈12,9	14,5	≈12	15,3
	Клеть	4,9	–	–	3	–	–	4,9	4,9	4,3	–
	Сени	4	2,5	6	3,4	4,4	–	4,3	3,8	3,2	–
	Горница	6,6	4,4	6,3	–	5	–	5	7	5,1	–
	Горница	–	–	5,6	–	–	–	–	–	–	–
	Пятистенок	–	–	–	–	–	–	–	–	–	4,5
	Прируб	–	–	–	–	–	–	–	–	–	5,4
	Изба	–	5,2	–	3,4	3,4	5,4	–	–	–	–
Площадь, м ²	Клеть	24,5	27	–	12	–	–	25,5	18,6	18,5	–
	Сени	15,6	11	15,6	12	10,6	–	12,9	18,6	8,7	–
	Горница	44,2	21,6	37,8	–	24,5	–	30	49	24	–
	Горница	–	–	33,6	–	–	–	–	–	–	–
	Пятистенок	–	–	–	–	–	–	–	–	–	38,7
	Прируб	–	–	–	–	–	–	–	–	–	36,2
	Изба	–	–	–	12	15	29,2	–	–	–	–
	Общая	84,3	59,6	87	36	50	29,2	60,4	86,2	51,2	74,9

Выводы. Проанализированный материал позволил приобрести представительный объем информации по многим важным аспектам в изучении культуры русских сибиряков. На его основе можно утверждать, что на локальной территории с достаточно однородным в этническом плане населением сложившийся усадебный комплекс имел развитую структуру, которая сохранялась без особых дополнений на протяжении почти 150 лет. Вероятно, что входящие в состав жилищно-хозяйственного комплекса объекты изменяли свой облик и положение в пространстве усадьбы в связи с ремонтом, перестройкой и обновлением. К жилищам пристраивали сени или, при отсутствии сеней, делали разные виды крылец; строили сараи или хлева, индивидуальные бани, обносили жилище забором и т.д. Но основные компоненты сохранялись.

Изученный источник дал различные блоки статистической информации, которую можно использовать

для сравнения с археологическим материалом и приблизиться к пониманию процессов и этапов формирования и развития поселений более ранних периодов освоения русскими Сибири в целом и отдельных регионов в частности.

Даже несмотря на отсутствие в описаниях привязки к типам жилищ, можно констатировать, что они имели общие черты в размерах жилой площади, срубной технике, способе изготовления крыш, использованному материалу жилищными комплексами русских Западной Сибири и европейской части России.

Сведения, полученные при анализе большого объема данных, позволяют считать выполненную работу репрезентативной и дают возможность применения ее результатов для сопоставления, как с этнографическими материалами других регионов, так и с археологическими.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Автор выражает глубокую признательность заведующему отделом этнографии восточных славян и народов Европейской России Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, к.и.н. А.И. Терюкову за оказанную помощь в работе с материалами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середины XIX в. М.: Наука, 1981. 270 с.
2. Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. 144 с.
3. Липинская В.А. Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.) // СЭ. 1975. № 5. С. 31–41.
4. Шелегина О.Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII – начале XX в.: (К постановке проблемы). Новосибирск: Сибирская научная книга, 2005. 192 с.
5. Бородавский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН; НГПУ, 2009. 244 с.
6. Скобелев С.Г. Отдельно стоящие постройки хозяйственно-служебного назначения на площади двора Саянского острога // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. I. С. 278–282.

7. Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск : Д' Принт, 2015. 276 с.
8. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: усадьба заполярного города. Нефтеюганск ; Екатеринбург, 2017. 360 с.
9. Татауров Ф.С. Новации в материальной культуре русских Западной Сибири в XVII – первой половине XVIII века (по материалам археологических исследований) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Наука, 2017. С. 347–351.
10. Татауров С.Ф. Воеводская усадьба г. Тары. Реконструкция и интерпретация // Вторые Ядринцевские чтения : материалы II Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию начала Первой мировой войны (Омск, 29–30 октября 2014 г.). Омск : ОГИК-музей, 2014. С. 85–88.
11. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI – XVIII в. (по материалам археологических исследований) / Л.В. Татаурова, С.Ф. Татауров, Ф.С. Татауров и др. Омск : Издатель Полиграфист, 2014. 374 с.
12. Культура населения XVI–XIX вв. как основа формирования современного облика народов Сибири / Н.А. Томилов, С.С. Тихонов, Л.В. Татаурова и др. Омск : Наука, 2005. 268 с.
13. Татаурова Л.В. Методические рекомендации по ведению полевой документации на раскопках памятников русских // Методика междисциплинарных археологических исследований : сб. науч. ст. и метод. рекомендаций. Омск : Наука, 2011. С. 180–212.
14. Сабурова Л.М. Культура и быт русского населения Приангарья. Л. : Наука, 1967. 300 с.
15. Терюков А.И. Л.М. Сабурова как исследователь русского старожильского населения Сибири // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Наука, 2017. С. 499–503.
16. Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. № 799. Перепись жилого фонда 1960, 1961 гг. Рукопись. 87 с.
17. Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. № 800. Перепись жилого фонда 1960 г. С. Кежма. Рукопись. 92 с.
18. Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. № 801. Перепись жилого фонда 1960 г. С. Кежма. Рукопись. 35 с.
19. Татаурова Л.В. Формирование русского мира в Тарском Прииртышье в XVII–XVIII вв. Историко-археологический аспект // Вагановские чтения : материалы IX регион. науч.-практ. конф., посвящ. 425-летию города Тары (г. Тара, 5–6 апреля 2018 г.). Омск : Амфора, 2018. С. 351–354.
20. Сидорова М.О., Жарников З.Ю., Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Мыглан В.С. Календарная датировка археологических объектов Тарского Прииртышья (Омская область). РА. 2018. № 4 (в печати).
21. Татауров С.Ф. Вторичное использование древесины в городе Таре в XVII–XVIII вв. // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Барнаул : Изд-во АлГУ, 2017. С. 1013–1014.

Tataurova Larisa V. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: li-sa65@mail.ru

ESTATE COMPLEXES STRUCTURE AND DWELLINGS' SIZES OF THE RUSSIAN POPULATION OF THE ANGARA REGION IN THE LATE XIX - MID XX CENTURY (BASED ON L. M. SABUROVA'S MATERIALS)

Keywords: Siberia; Angara Region; archeology and ethnography of a Russian village; estates.

A dwelling and estate complex are one of the main elements in the life support system. A structure, functionality of household objects within a manor is a well described in the ethnographic literature. A typology of dwellings has been developed; their horizontal and vertical planigraphy has been analyzed. However, the publications paid little attention to studying dimensional characteristics of dwellings and outbuildings, which can be compared with archaeological material.

The study purpose is to clarify a composition of the estate complexes and size of its buildings to understand the traditions, specifics of their formation and ability to compare with archaeological materials.

This research is based on the material of the inventory of the housing stock of the Angara Region Russian population, which are stored in the archives of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkammer). Data were collected in 1957–1961 by the Angarsk group of the expedition of Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences under leadership of L.M. Saburova in Kezhem district of Krasnoyarsk region. Comparative archaeological material on dwellings is the one obtained by the author during the excavations of Russian settlements of the XVII–XVIII centuries in the Omsk Irtysh region.

The statistical methods of analysis are applied, which are systematic data collection, their processing and analysis; the author also used analogies and comparative historical methods.

As a result, the data on 1203 estates of the Russian population were considered. They are systematized by periods: the first period is from the beginning of the XIX century to 1916, it reflects the established traditions in organization of dwellings and household complex; the second period is from 1917 to 1930, it characterizes the culture transformations associated with the change of the social system.

On the basis of the information received, it was found out that the structure of an estate complex of Russian population of the Angara Region from the beginning of the XIX century to 1939 little had changed. Statistical data on the size of dwellings showed that Siberians built tall, spacious houses within the tradition, came to Eastern Siberia from the European part of Russia along with Russian settlers. The obtained information on the houses size allowed comparing them with archaeological material, what is done on the example of excavated dwellings from rural settlements in Western Siberia.

The obtained amount of representative information allows conducting comparative analysis of ethnographic and archaeological material. Comparison of ethnographic and archaeological data revealed similar elements. This makes it possible to trace the dwelling evolution in time and space. In the Russian culture of the Angara Region the features characteristic of Russians from other regions of Siberia and the European Russia lingered in the house construction and sizes, and estates structure.

REFERENCES

1. Aleksandrov, V.A. (ed.) (1981) *Etнография русского крест'янского Сибиря. XVII – середина XIX в.* [Ethnography of the Russian peasantry of Siberia. The 18th – the middle of the 19th centuries]. Moscow: Nauka.
2. Maynischeva, A.Yu. (2002) *Архитектурно-строительные традиции крест'янского северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов (середина XIX – начало XX в.)* [Architectural and building traditions of the peasantry of the northern part of the Upper Ob: problems of evolution and contacts (the mid 19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: SB RAS.
3. Lipinskaya, V.A. (1975) *Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири (концы XIX – начало XX в.)* [Types of building in the country estates of the Russian population in Western Siberia (the end of the 19th – early 20th centuries)]. *Sovetskaya etнография*. 5. pp. 31–41.
4. Shelegina, O.N. (2005) *Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII – начале XX в.: (К постановке проблемы)* [Adaptation processes in the culture of life support of the Russian population of Siberia in the 18th – early 20th centuries (to the formulation of the problem)]. Novosibirsk: Sibirskaya nauchnaya kniga.
5. Borodovskiy, A.P. & Gorokhov, C.B. (2009) *Умеровинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг.* [Umerovinsky prison. Archaeological research of 2002–2009]. Novosibirsk: SB RAS.
6. Skobelev, S.G. (2014) *Otdel'no stoyashchie postroyki khozyaystvenno-služebnogo naznacheniya na ploshchadi dvora Sayanskogoostroga* [Separate constructions of economic and official purpose in the yard of the Sayan ostrog]. In: Tataurova, L.V. & Borzunov, V.A. (eds) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Vol. 1. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 278–282.

7. Chernaya, M.P. (2015) *Voievodskaya usad'ba v Tomske. 1660–1760-e gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya* [The voivode's estate in Tomsk, 1660–1760: Historical and archaeological reconstruction]. Tomsk: D'Print.
8. Vizgalov, G.P. & Parkhimovich, S.G. (2017) *Mangazeya: usad'ba zapolyarnogo goroda* [Mangazeya: a manor in the polar city]. Nefteyugansk-Ekaterinburg.
9. Tataurov, F.S. (2017) Novatsii v material'noy kul'ture russkikh Zapadnoy Sibiri v XVII – pervoy polovine XVIII veka (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy) [Innovations in the material culture of Russians in Western Siberia in the 17th – first half of the 18th centuries (based on archaeological research)]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: Nauka. pp. 347–351.
10. Tataurov, S.F. (2014) [Voivode's manor of Tara, reconstruction and interpretation]. *Vtorye Yadrntsevskie chteniya* [The Second Yadrntsev Readings]. Proc. of the All-Russian Conference. Omsk, October 29–30, 2014. Omsk: OGIK-muzey. pp. 85–88. (In Russian).
11. Tataurova, L.V., Tataurov, S.F., Tataurov, F.S. et al. (2014) *Adaptatsiya russkikh v Zapadnoy Sibiri v kontse XVI – XVIII v. (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy)* [Adaptation of Russians in Western Siberia at the end of the 16th – 18th centuries (based on materials from archaeological research)]. Omsk: Poligrafist.
12. Tomilov, N.A., Tikhonov, S.S., Tataurova, L.V. et al. (2005) *Kul'tura naseleniya XVI – XIX vv. kak osnova formirovaniya sovremennogo oblika narodov Sibiri* [Culture of the population in the 16th – 19th centuries as the basis for the formation of the modern perspective of the Siberian peoples]. Omsk: Nauka.
13. Tataurova, L.V. (2011) Metodicheskie rekomendatsii po vedeniyu polevoy dokumentatsii na raskopkakh pamyatnikov russkikh [Guidelines for the maintenance of field documentation at the excavations of Russian monuments]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Metodika mezhdistsiplinarnykh arkheologicheskikh issledovaniy: sbornik nauchnykh statey i metodicheskikh rekomendatsiy* [Methodology of interdisciplinary archaeological research: a collection of scientific articles and guidelines]. Omsk: Nauka. pp. 180–212.
14. Saburova, L.M. (1967) *Kul'tura i byt russkogo naseleniya Priangar'ya* [Culture and life of the Russian population in Angara region]. Leningrad: Nauka.
15. Teryukov, A.I. (2017) L.M. Saburova kak issledovatel' russkogo starozhil'cheskogo naseleniya Sibiri [L.M. Saburova as a researcher of the old Russian population of Siberia]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: Nauka. pp. 499–503.
16. The Archive of the MAE RAS. Fund K-I. List 2. File 799.
17. The Archive of the MAE RAS. Fund K-I. List 2. File 800.
18. The Archive of the MAE RAS. Fund K-I. List 2. File 801.
19. Tataurova, L.V. (2018) [The formation of the Russian world in Tarsk Irtysh area in the 17th – 18th centuries. Historical and archaeological aspect]. *Vaganovskie chteniya* [The Vaganov Reading]. Proc. of the Ninth Regional Conference. Tara, April 5–6, 2018. Omsk: Amfora. pp. 351–354. (In Russian).
20. Sidorova, M.O., Zharnikov, Z.Yu., Tataurov, S.F., Tataurova, L.V. & Myglan, V.S. (2018) Kalendarnaya datirovka arkheologicheskikh ob"ektov Tarskogo Priirtysh'ya (Omskaya oblast') [Calendar dating of the archaeological objects in Tara Irtysh area (Omsk region)]. *Rossiyskaya archeologiya*. 4. [in print].
21. Tataurov, S.F. (2017) Vtorichnoe ispol'zovanie drevesiny v gorode Tare v XVII–XVIII vv. [Recycled wood in Tara in the 17th – 18th centuries]. In: Derevyanko, A.P. & Tishkin, A.A. (eds) *V (XXI) Vserossiyskiy arkheologicheskiy s"ezd* [V (21st) All-Russian Archaeological Congress]. Barnaul: Altai State University. pp. 1013–1014.